

АТМОСФЕРА ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ОТ МЕТАФОРЫ К ЯЗЫКУ ОПИСАНИЯ

Екатерина Сергеевна Шишова (eshishova@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Шишова Е.С. (2018) Атмосфера городских пространств: от метафоры к языку описания. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(4): 85–103. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.4>.

Аннотация. Атмосфера городских пространств в последние десятилетия все более активно изучается представителями различных областей знания. Это связано как с вниманием к человеку, его эмоциям и переживаниям, так и с необходимостью применения рассматриваемого концепта в реальной жизни: планировании городских и общественных пространств, выстраивании маркетинговой стратегии туристических дестинаций, проведении мега-событий и т.д.

Несмотря на то что феномен атмосферы крайне востребован, поскольку позволяет комплексно смотреть на городское пространство с различных исследовательских позиций, тем не менее это явление до сих пор не было четко определено, концептуализировано и операционализировано. Отсутствие концептуального аппарата и релевантного языка описания исследуемого феномена ведет к невозможности эффективного измерения городского пространства и производимых в нем социальных отношений, что затрудняет работу как социальных исследователей, так и специалистов-практиков.

Автор предпринимает попытку создания языка для описания феномена городской атмосферы. В основе работы лежит анализ понятия атмосферы и его оттенков, поиск и обоснование его метафоры, а также категорий, применимых для создания языка описания исследуемого явления. В результате для описания городской атмосферы предложено использовать понятия ламинарности и турбулентности, заимствованные из естественных наук. В качестве категорий описания используются наработки представителей феноменологического и неомарксистского подходов и рассматриваются такие понятия, как городские ритмы, аффекты, социальный и политический контексты города, эмоции, инфраструктурный рельеф, аутентичность и эстетизация городского пространства.

Ключевые слова: атмосфера, город, метафора, социальное взаимодействие, аффекты, эстетизация.

Атмосфера города или городских пространств — один из наиболее привлекательных и одновременно наиболее сложных для социальных исследователей феноменов. Трудность ее исследования, по мнению Тонино Грифферо, автора одной из наиболее влиятельных книг об атмосфере мест, заключается в ее неуловимости. Суть этой размытости состоит в том, что атмосфера постоянно «витает в воздухе» и ощущается нами, однако определить, описать и тем более операционализировать ее весьма затруднительно. Это связано с тем, что атмосфера состоит не только из вполне определенных субъектов и объектов, взаимодействующих в пространстве, но и из «отсутствующего присутствия» (Лефевр 2015) — ощущения важности людей, вещей, событий, неразрывно связанных с этим пространством, но отсутствующих в данный момент, а также из эфемерных, ускользающих звуков, запахов и тактильных ощущений.

Исследования атмосферы города или отдельных пространств до недавнего времени не входили в число приоритетных тем социологических исследований, да и в настоящее время во многом являются маргинальными сюжетами. И все же отдельные области знания, такие как феноменологическая философия, культурная география, городские исследования, или направления практической деятельности, например городское планирование или туристическая индустрия, уже несколько десятилетий исследуют атмосферу городских пространств или испытывают к ней определенное любопытство. Увлеченность темой атмосферы во многом связана с антропологическим поворотом — вниманием к человеку, его ощущениям и переживаниям, повседневным практикам. Для социальных наук такое внимание самоценно. Для практических областей понимание человека, его чувств и желаний, помимо прочего, является капитализируемым ресурсом, который можно выгодно использовать для извлечения прибыли или приобретения лояльности горожан. Именно этим соображением руководствуются профессиональные планировщики и архитекторы, заботящиеся о создании «правильной» атмосферы городских и общественных пространств, специалисты-маркетологи, выстраивающие стратегии развития туристических направлений

Можно говорить о постепенно складывающихся тематических предпочтениях исследователей атмосферы. Связь атмосферы и характеристик отдельных городов (Milgram 1970), аффективная насыщенность и эмоциональная привязанность как важные составляющие атмосферы (Griffero 2016; Böhme 2014; Schmitz 2016; Wood 2009), изучение атмосферы как сочетания городских ритмов и эстетики, пространств и коммуникационных практик (Лефевр 2015; Thibaud 2015; Antchak 2018), отношения власти

и подчинения (Harvey 2010) — вот далеко не полный перечень сюжетов, занимающих (в основном зарубежных) аналитиков.

Российские исследователи лишь недавно «открыли» атмосферу как предмет исследования. Наиболее подробно атмосфера города рассматривается Екатериной Фень, определяющей ее как пространство, постигаемое опытом и аффективным восприятием индивида во времени (Фень 2012). Елена Трубина уделяет внимание эстетической атмосфере, стимулирующей горожан к потреблению определенных товаров и услуг (Трубина 2011). Ольга Бредникова и Оксана Запорожец описывают атмосферу как эмоциональное состояние и опыт, возникающие при взаимодействии человека с пространством и создающие его образ, который через ряд реальных или воображаемых характеристик передает специфику этого пространства (Бредникова, Запорожец 2016).

Несмотря на разнообразие подходов к изучению атмосферы города, этот феномен по-прежнему не имеет четкого определения и категориального аппарата. Внимание исследователей к разным аспектам атмосферы, как правило, связанным с интересами отдельных наук, не позволяет посмотреть на нее комплексно и учесть все нюансы. Целью статьи является ревизия существующих языков описания атмосферы городских пространств и попытка предложить собственные категории, позволяющие передать оттенки и сложную природу рассматриваемого явления.

Об оттеночности атмосферы города

В настоящее время в научной литературе существуют два термина, характеризующие эмоционально насыщенную среду: атмосфера и амбьянс. Они имеют тонкие различия, которые, однако, важно учитывать при анализе. Предполагается, что атмосфера пронизывает наше повседневное существование, а амбьянс является ее производной и связан с переработкой повседневности в более эмоциональные формы (Augoyard 2016).

Атмосфера — нечто более абстрактное. Сам термин происходит от неолатинского *Atmosphaira* (*Atmos* (пар)-*Sphaira* — сфера, шар) и начинает активно использоваться физиками в XVII в. (Gaudin, Le Calvé 2018). В ранних текстах атмосфера рассматривается «как кольцо паробразного воздуха, являющегося частью планеты, но одновременно с этим выдыхаемого ею» и относится сначала к сфере тяготения, а затем к наземно-воздушной среде обитания (Spitzer 1952). Атмосфера — глобальная невидимая (эфирная) система, в состав которой входят такие элементы, как воздух, которым мы дышим, погода, которую мы ощущаем, пульсы и электромагнитные излучения, которые способствуют развитию технологий. В XX в. атмосфера «перекочевывает» из естественных наук в социальные.

Она рассматривается как фоновое состояние (Adey et al. 2013), вездесущее и сопоставимое с рутинными практиками повседневной жизни. Фоновость зачастую бывает плохо ощутимой, однако без нее невозможно существование населенных пространств, она притягивает и влияет на способы заселения и освоения территорий. Помимо этого, атмосфера создается коллективно и способна распространяться от одних участников пространственного взаимодействия к другим.

В отличие от атмосферы, обязанной своим рождением естественным наукам, термин «амбьянс» возникает в урбанистике и архитектуре (Adey et al. 2013) и имеет двойственную природу, поскольку происходит одновременно от термина «среда» (*milieu*) и прилагательного «обтекающий, окружающий» (*ambient*). Последнее восходит к латинскому глаголу *ambire*, что означает «жаркие и всеобъемлющие объятия» и выражает распространенную в древнегреческом обществе идею создания комфортного окружения, в котором человек чувствовал бы себя защищенным (Thibaud 2012; Spitzer 1942). Понятие среды (*milieu*) имеет древнегреческое происхождение и рассматривалось как «золотая середина» между крайностями, к которой должен стремиться человек, чтобы прожить нравственную жизнь. К XVII в. два термина соединяются в *milieu ambient* («живая среда»), т.е. нечто обволакивающее физические тела (Spitzer 1942).

Отличительной особенностью амбьянс является четкость и привязка к конкретному пространству и времени. Это эстетический опыт, получаемый благодаря погружению в среду, обусловленную политическим, экономическим, религиозным, творческим, социальным контекстами. К примерам таких контекстов можно отнести митинги, восстания, литургии, перформансы, парки развлечений, торговые центры, спортивные мероприятия. Контексты схватывают наши эмоции и направляют их, формируя наши взгляды и суждения (Gaudin, Le Calvé 2018).

Амбьянс трактуется также как проявление чувств и эмоций, будоражащих воображение и вырывающих из привычного чувственного опыта, задаваемого атмосферой места. Так, обычное уличное шествие, создающее атмосферу, при определенных условиях может превращаться в амбьянс через трансформацию в массовый праздник или уличные беспорядки. Отличием амбьянс является ее пластичность, т.е. способность к постоянному изменению чувственных форм и состава агентов взаимодействия. Более того, она отличается многообразием, т.е. сосуществованием одновременно нескольких форм в одном пространстве. Примером такого многообразия может служить пространство сада, меняющее свою амбьянс, а значит и наше восприятие, в зависимости от сезона и действий садовника, адаптирующего его под погодные условия. В этом случае простран-

ство сада или его привычная атмосферная среда, имеющая определенные ресурсы, способно трансформироваться в амбьянс в зависимости от предпочтений и вкусов тех, кто за ним ухаживает (Gaudin, Le Calvé 2018).

Ряд исследователей подчеркивает искусственный характер амбьянс и его оттеночность по отношению к атмосфере. Амбьянс — это не ноу-хау, предложенное в результате работы инженерной мысли, это атмосфера, переработанная рукой художника, поэта или архитектора. Амбьянс использует ресурсы повседневности, создавая на ее базе эмоциональные оттенки (Gaudin, Le Calvé 2018). Также в исследованиях амбьянс подчеркивается роль не только намеренных действий профессиональных творцов, но и непреднамеренных действий тех, кто это пространство использует. Все это ведет к производству пространства и формирует особые ощущения от пребывания в нем (Thibaud 2002).

Метафора для атмосферы и метафора атмосферы для социальных наук

До сих пор ведутся споры, является ли атмосфера метафорой или самостоятельной категорией. Метафоры обладают свойством субъективности и отсутствия статичности. По мнению ряда исследователей, метафорическое сравнение «жизненно необходимо социологии», так как служит «инструментом открытия нового» и предшествует стандартизированному, уже устоявшимся понятиям, готовым к операционализации (Кравченко 2016). Уникальность метафор в социологии связана с тем, что они способствуют развитию социологического воображения (Абрамов 2008), стимулируя тем самым появление новых концептов (Кравченко 2016).

Можно говорить о новых и устоявшихся — «стертых» — метафорах, становящихся определениями. Метафора становится «стертой», когда теряет свою экспрессивность и потенциал развития, приобретая тем самым возможность для операционализации, верификации и массового использования (Кравченко 2016). К «стертым», пригодным для повсеместного использования можно отнести такие метафоры, как социальная стратификация, гендерная идентичность, социальный контроль, социальный институт, образ жизни, социальное поле (Кравченко 2016; Ильин 2003). Говоря о метафорах описания городских пространств, стоит вспомнить труды З. Баумана, называвшего торговые и развлекательные центры «храмами потребления», или работы Х. Молоча, сравнивавшего города с «машинами роста» (Molotch 1976).

Мы полагаем, что сегодня в социальных науках атмосфера используется как метафора. Однако метафора весьма продуктивная, обладающая

возможностью развития за счет привлечения ресурсов естественных наук, в рамках которых на протяжении двух столетий развивалась теория атмосферы и создавался язык, позволяющий говорить о данном явлении. Несмотря на потенциал метафоры атмосферы, она используется достаточно незатейливо. Зачастую о ней говорят с точки зрения конкретных случаев, а не единой структуры и компонентов. Если же атмосфера рассматривается обобщенно, то, как правило, сильно упрощается, отождествляясь либо с эмоциональной и аффективной насыщенностью (феноменология), либо с пространственно закрепленными действиями, либо со способностью принимать решения и делать выбор (Griffero 2016). Представители разных научных полей рассматривают одни элементы атмосферы, забывая включить в анализ другие, что искажает понимание сложного многогранного феномена.

Рассмотрение атмосферы как метафоры кажется наиболее подходящим, поскольку позволит выделить неочевидные ее компоненты и объединить все ее составляющие под единым концептуальным каркасом, таким образом создав новый язык описания городского пространства. В результате, с одной стороны, будет преодолена однобокость изучаемого явления, а с другой стороны, будут выявлены ее невидимые составляющие.

От природных явлений к новому языку описания атмосферы города

Попытка создания нового языка описания атмосферы города и ее концептуализации через метафорическое сравнение с физическими явлениями кажется единственно возможной, поскольку позволит упорядочить имеющуюся дискуссию и соединить существующие наработки в области социологии. Более того, новый язык описания в дальнейшем создаст возможность для ранее не существовавшей операционализации исследуемого понятия, его измерения и применения для городских исследований.

Анализ определения различий в оттенках атмосферы продемонстрировал, что это важно учитывать при создании языка описания изучаемого явления. Несмотря на то что атмосфера и амбьянс близки друг другу и обладают общими характеристиками, тем не менее каждая из них действует на основании собственных законов. Так, в атмосфере преобладает аффективность, рутинизация повседневной жизни и ее ритмы, в то время как амбьянс наполнена ярко выраженными эмоциями, контекстом, их провоцирующими, и формами, выражающими этот контекст. И если атмосфера связана с чем-то спокойным, то амбьянс является психоэмоциональной воронкой, вырастающей из этого спокойствия.

Ввиду вышеописанного наиболее подходящими для проведения метафорического сравнения кажутся физические явления, связанные с турбулентностью и ламинарностью. Турбулентность — вихревое течение жидкостей или газов, возникающее из упорядоченного ламинарного потока. Отличительная черта ламинарности — способность слоев жидкости или газа двигаться в потоке без смешения друг с другом. Турбулентные потоки, напротив, отличаются свойством смешения слоев, в результате чего образуются вихреватые воронки и завихрения движущейся жидкости или газа. На образование турбулентных потоков и смешение слоев влияет скорость, рельефность и шероховатость поверхности, а также вязкость жидкости или газа, т.е. способность их слоев смешиваться. На вязкость влияет температура и давление.

Заимствование идей ламинарности и турбулентности как метафор описания городской атмосферы и амбьянс кажется наиболее подходящим. Во-первых, это связано с тем, что логика их проявления в социальных явлениях схожа с физическими. Во-вторых, можно наблюдать переход рассматриваемых категорий из полностью научного использования в повседневную жизнь. Например, сообщение о наступлении турбулентности во время авиаперелета требует от пассажиров и членов экипажа определенных действий, о которых они знают заранее, осознавая последствия турбулентности. В-третьих, предсказуемость наступления ламинарных и турбулентных процессов в природе аналогична предсказуемости реализации повседневного социального взаимодействия в пространстве города.

Далее попробуем предложить описание атмосферы через ламинарность, а описание амбьянс через турбулентность. Ламинарные потоки, прямые и спокойные, образуются благодаря гравитационным процессам и сопоставимы с атмосферой, ее ритмами и рутинизацией повседневной жизни. В основе атмосферы лежат аффекты, притягивающие и встраивающие нас в городское течение. Аффект, как и магнит, социален или объективен. Это проявляется в том, что индивид не просто нацелен на разделение эмоций, но и стремится к столкновению с чувствами других индивидов. Взаимодействие чувств в пространстве создает его социальные границы и является инструментом взаимодействия объекта в этом пространстве (d'Hauteserre 2015).

Отличительной особенностью аффекта также является его пластичность, зависящая от условий, в которых он формируется в определенный момент времени, и свойств объекта, которые обуславливают скорость и характер взаимодействия с другими объектами (Tolia-Kelly 2006). Это создает неповторимый аффективный опыт территории, придает ему уникальные смыслы и трансформирует безликое пространство в место.

Смыслы и символичность пространства непосредственно взаимодействуют с ценностными установками субъектов, формируют чувство сопричастности у действующих здесь индивидов и ведут к эмоциональной связи с ним (Davidson, Milligan 2004; d’Hautesserre 2015). Эмоциональность делает место более прочным к изменениям, поскольку индивиды готовы сюда возвращаться для повторения опыта и реализации определенных поведенческих практик (d’Hautesserre 2015; Duff 2010). Аффекты способны притягивать как в места с аутентичным опытом, так и идентичные друг другу места массового потребления (торговые центры, магазины, ресторанные дворики) (Duff 2010).

Аффект является производной от желания, стимулирующего к действию и непосредственно связанного с социальными отношениями (d’Hautesserre 2015). Он неуловим и невозможен для определения. Это форма социальности, возникающая на невербальном уровне и носящая межличностный характер. Креативный потенциал аффекта выражается в том, что его невозможно субъективировать или присвоить отдельно взятому индивиду (Pile 2010).

Ритмы города обрамляют аффекты, встраивая их в нашу повседневную жизнь и стимулируя к взаимодействию в границах пространства. Взаимодействие, регулярность и пространственно-временная привязка — ключевые характеристики ритмичности (Лефевр 2015). В отличие от статичности пространств, ритмы динамичны за счет звуковых, социальных, технологических и культурных контекстов, реализуемых в наших повседневных практиках. Ряд исследователей определяет их как пространственную сеть, поддерживающую городскую стабильность. Частями этой сети могут быть как невидимые капиталы, идеи, смыслы, информация, социальные эффекты, так и потоки газа, электричества, мобильной связи (Edensor 2016). Примерами повседневных ритмов могут быть прикрепленные к конкретному пространству потоки гуляющих школьников, образ жизни студентов, рост или спад безработицы, часы работы магазинов. Как правило, это полиритмичный процесс, включающий в себя одновременно разные процессы как нормативно-законодательного толка, так и неформального, инициируемого пользователями пространства и часто вступающего в противоречие с формальными ритмами (Ibid.).

Ритмы повседневности являются коллективными и синхронными практиками, которые со временем становятся нерелексируемыми. Это свойство дает возможность для формирования совместных культурных представлений, чувства солидарности и взаимопонимания в сообществе (Edensor 2016). Магазины, бары, кафе и прочие общественные места

являются узлами, в которых соединяются и синхронизируются траектории участников, образуя «хореографическую совокупность» (LaBelle 2008).

Как видно, природа аффектов и ритмов схожа и выражается в коллективности, совместных ценностных установках элементов и стремлении поддержания стабильности социальной организации в пространстве. Их симбиоз образует городскую ламинарность, обладающую гравитационным эффектом притяжения элементов пространства в поток через аффективное стремление социальных частиц слиться в упорядоченном движении ритмов. Ритмы и аффекты основаны на желаниях, которые и являются наиболее сильным источником ламинарности. Желания или гравитационные силы могут проявляться через стремление разделить общие ценностные и культурные установки и через свойства расположенной в пространстве инфраструктуры, характеристики которой будут изложены ниже. Таким образом, городская ламинарность является основой для появления и поддержания атмосферы, которая, с одной стороны, невидима, с другой — притягательна за счет своей предсказуемости.

Городская ламинарность способна порождать турбулентность, связанную с ускорением социального и эмоционального взаимодействий. На нее оказывает влияние определенный контекст пространственной ситуации, возникающие эмоции, инфраструктурный рельеф, аутентичность и эстетизация пространств. В состоянии турбулентности атмосфера переходит в более эмоционально насыщенное состояние амбьянс.

Контекст пространственной ситуации, или ее рамка, влияет на эмоциональное состояние и поведение человека в пространстве города. Это особенно хорошо прослеживается на примере капиталистических обществ, так подробно рассматривающихся представителями неомарксистского подхода. Данный тип отношений основан на владении ресурсами одними социальными группами и отсутствии таковых у других. Это, в свою очередь, стимулирует появление господствующих и подчиненных слоев, системы рыночных отношений и намеренное создание дефицита. Все это впоследствии незаметно влияет на пространственное развитие территорий, в результате которого угнетаемый класс лишается комфортных условий проживания (чистого воздуха, удобного расположения жилья, качества домов, в которых живут), а также попадает в ситуацию вынужденного потребления производимых товаров и услуг (затраты на транспорт при отдаленном местоположении жилья, развлечения, производимые на территориях правящего класса, на аренду жилья) (Israel, Frenkel 2017; Harvey 2010).

Другое проявление пространственного контекста — справедливая социальная политика, в соответствии с которой невозможно преобладание

военных и исключаящих режимов, доминирование эксплуатации труда и собственности, империалистский подход к городскому планированию. Это становится возможным через равноправный диалог, народные референдумы, самовыражение различных социальных групп и развитие проектов, которые стимулируют развитие общественных дискурсов (Harvey 1992).

Таким образом, контекст или закон, регулирующий отношения горожан, является основой для формирования социальных отношений, инфраструктурного рельефа и эмоциональной привязанности к пространству.

Инфраструктурный рельеф, возникающий под воздействием существующего в отдельно взятом пространстве контекста, играет важнейшую роль при формировании городской турбулентности и амбьянс, поскольку способен активно влиять на ускорение социального и эмоционального потоков. Разнообразие инфраструктуры в городе, возможность ее использования и поддержание интереса к ней у различных социальных групп ведет к усилению городской турбулентности, а значит, и к эмоциональному бурлению субъектов и объектов взаимодействия. Ее замысловатость во многом зависит от затрачиваемых на нее материальных и интеллектуальных ресурсов, а также влияет на уровень ее притягательности у потенциальных потребителей.

Необходимость создания эффективного городского ландшафта на основе имеющихся ресурсов особенно важна для стран с рыночной экономикой, поскольку это приносит прибыль владельцам ресурсов, привлекает большее количество заинтересованных лиц, делает социальное взаимодействие более интенсивным и вместе с тем создает притягательность атмосферы (Harvey 1978).

Для городской турбулентности инфраструктура представляет ценность не только из-за факта своего наличия, но и из-за того, что порождает такие явления, как аутентичность и эстетизация общественных пространств, а также эмоции.

Аутентичность связана с уникальностью местности и большей ее эмоциональной притягательностью. Аутентичность имеет двойственную природу, так как, с одной стороны, связана с устоявшимися традициями территории, ее неизменным образом и повседневным укладом жизни обычных горожан. С другой стороны, она может выражаться через появление нового, переделанного, творческого, инновационного и связанного с повседневностью творческих элит (Zukin 2009a; 2009b). Вне зависимости от значения аутентичность способна производить социальные отношения за счет уникальности территории и стабильности созданного и/или устоявшегося образа (Федотова 2017).

Другим проявлением инфраструктурного рельефа может быть эстетизация, основанная на формировании аффективной привязанности к пространствам и оторванности от реального социокультурного контекста. Размышляя об этом феномене, американский культуролог Ш. Зукин вводит понятие «диснейфикация», под которым понимаются общественные пространства, отстроенные крупными корпорациями (такими как, например, компания «Disney» и кинокомпания «Hollywood pictures»). Эти пространства тематизированы, визуально привлекательны, безопасны и охраняются полицией, однако порождают гиперреальность, массовое потребление, а также закрыты для свободного доступа, обосновывают насаждаемый контроль элит и извлечение выгоды от владения средствами производства (Zukin 1998).

По мнению ряда авторов, негативный эффект от эстетизации связан с капиталистическими механизмами контроля и формированием атмосферы мест, направленных на «колонизацию эмоциональной жизни и свободного времени индивидов», ведущих к формированию поведенческих стратегий, заданных представителями элит (Griffero 2016). Несмотря на существующий скепсис в отношении эстетизации общественных пространств, это не уменьшает ее вклада в формирование амьбьанс и перехода от ламинарных к турбулентным процессам. Вне зависимости от конечного результата эстетически привлекательные территории, вызывают эмоциональные волнения, таким образом провоцируя социальное взаимодействие.

Инфраструктура — важная предпосылка для формирования городской турбулентности, однако сам процесс образуют эмоции, которые, в отличие от аффектов, более субъективированы и осознаны. Их отличительной особенностью является то, что они приобретают семантическую и семиотическую окраску, материализующуюся в языковых формах, коллективном действии, чувствах и разуме, формируют границы пространства (Anderson 2006). Природа эмоций социальна, внешняя и обладает эффектом «застревания» и циркуляции между телами. Это не наши личные психологические состояния, а вызывающие их социальные и культурные практики. С. Ахмед подчеркивает инородность эмоций, которые чаще всего, приходя извне, впитываются нами на индивидуальном уровне. Коллективность эмоций создает возможность социального присутствия, ощущения пространства и его атмосферы, а также повышения ценности присутствующих здесь объектов (Ahmed 2013).

В последние десятилетия эмоции стали предметом пристального интереса социальных географов, поскольку они формируют пространства, в которых мы живем (Pile 2010). Знание об эмоциях и эмоциональных

реакциях в разных ситуациях используют при планировании и дизайне высококачественной среды городов и общественных пространств, поскольку это основа для эмоционального и ментального благополучия тех, кто будет эти территории использовать для жизни (Zeile et al. 2015).

Эмоции укореняют нас в атмосфере и делают поведение более стабильным, в отличие от поведения обычного следования социальным нормам, как правило, связанного с ощущением зависимости. Более того, эмоции, передаваемые атмосферой, более глубокие и связывают ощущения нашего тела (*felt-body*) с его физиологией, а также имеют свойство распространения в пространстве и проецирования на окружающих (Griffero 2014a). Т. Грифферо также акцентирует внимание на том, что власть атмосферы гораздо более мощная, чем власть любого пространственного планирования. Безусловно, любая архитектура производит атмосферу (Griffero 2014b), но только эмоции формируют аффективную привязанность к месту, желание вернуться и следовать определенному стилю жизни, навязываемому пространством, а также напрямую апеллируют к ценностям и состояниям отдельно взятого индивида (Griffero 2014a).

Подводя итог, стоит сказать, что полученный язык описания атмосферы города включает в себя оттеночность, состоящую из атмосферы и амбьянс. Это достигается путем разделения атмосферы на городскую ламинарность и турбулентность. Первой соответствуют несмешиваемые упорядоченные ламинарные потоки, основанные на гравитационной способности составляющих, взаимодополняемом сочетании городских ритмов и аффективной привлекательности пространства. Гравитационный эффект тесно связан с желаниями и потребностями, впоследствии образующими аффекты и пространственную ритмичность. Все это в совокупности создает целостную атмосферу пространства, основанную на общих ценностях, упорядоченности и чувстве сплоченности.

Турбулентность производна от ламинарности и проявляется в форме амбьянс. Это эмоционально насыщенный витиеватый поток, в котором смешиваются повседневные процессы разного уровня. Турбулентность достигается путем ускорения социального и эмоционального взаимодействия в пространстве благодаря инфраструктурному рельефу и контексту, в котором реализуется ситуация.

Заключение

Проведенный анализ продемонстрировал, что атмосфера города трудноуловима и сложна для концептуализации и операционализации. Это связано в первую очередь с тем, что рассматриваемый феномен включает не только осязаемые объекты и субъекты, но и неосязуемые элементы,

связанные с отношениями власти и подчинения, аффективной и эмоциональной привязанностью, городскими ритмами, личными особенностями участников взаимодействия. И несмотря на то что тема атмосферы довольно популярна в социальных науках и существует множество попыток ее определения, тем не менее так до сих и не была решена проблема ее полноценной категоризации и операционализации.

Нами была предпринята попытка разработать категориальный аппарат феномена атмосферы и язык его описания через метафорическое сравнение с турбулентностью и ламинарностью. Для этого исследуемое явление было предварительно определено, и в результате было установлено, что существуют два оттенка атмосферы, определяемые нами как атмосфера и амбьянс. Первое понятие менее ощутимо и связано с повседневной рутинной, городской ритмичностью, аффективной притягательностью и предсказуемостью социальных процессов в пространстве. Второе более ярко выражено, представляет собой психоэмоциональную воронку, привносящую в нашу жизнь непредсказуемость впечатлений и социальных интеракций. Учет оттеночности атмосферы при создании нового языка ее описания позволил подобрать разные, но взаимозависимые физические явления для проведения метафорических аналогий, тем самым разделив разрабатываемый аппарат на категории, связанные с ритмами повседневности и эмоциональными взрывами.

В результате анализа был получен язык описания городской атмосферы, основанный на идеях ламинарности и турбулентности. Ламинарность соотносится с атмосферой, образуемой повседневными ритмами и аффектами, организующими упорядоченное движение субъектов и объектов во времени и пространстве. Турбулентность возникает из ламинарного течения, образует амбьянс и характеризуется витиеватым потоком эмоций и отношений. На возникновение турбулентности влияет социально-политический контекст пространства и его инфраструктурный рельеф, который ведет к ускорению и перемешиванию социальных и эмоциональных взаимодействий. Также было выявлено, что характеристики инфраструктуры играют ключевую роль в создании турбулентных потоков города: эстетизация, аутентичность, разнообразие пространственного рельефа вне зависимости от коннотации и замысла его создателей способны влиять на скорость эмоциональных потоков и социальных взаимодействий.

Полученный язык является базовым и довольно упрощенным, однако ценность его состоит в попытке объединения под одним каркасом уже существующих наработок в области атмосферы города в зависимости от ее оттеночности. Дальнейшая работа по уточнению языка описания позволит операционализировать понятие атмосферы и комплексно приме-

нить более точные измерительные подходы к социальным отношениям в городских пространствах.

Выражение благодарности

Выражаю благодарность О.Н. Запорожец (к.с.н., доценту НИУ ВШЭ) за помощь в поиске идеи для написания статьи, активное обсуждение текста и его редактуру, а также О.И. Никитиной (выпускнице географического факультета МГУ, координатору проектов по сохранению пресноводных экосистем и устойчивой гидроэнергетике Всемирного фонда дикой природы /WWF/) за помощь в обсуждении применимости явлений турбулентности и ламинарности к социальным процессам и редактирование естественно-научной части текста.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Литература

Абрамов Р.Н. (2008) Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии. *Социологический журнал*, 4: 23–34.

Бредникова О., Запорожец О. (2016) Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2: 103–119.

Ильин В.И. (2003) Феномен поля: от метафоры к научной категории. *Рубеж (альманах социальных исследований)*, 18: 29–49.

Кравченко А.И. (2016) Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? *Социологические исследования*, 7: 124–133.

Лефевр А. (2015) *Производство пространства* М.: Strelka Press.

Трубина Е.Г. (2011) *Город в теории*. М.: Новое литературное обозрение.

Федотова Н.Г. (2017) Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3): 32–49.

Фень Е.Г. (2012) *Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города*. Дис. ... канд. филос. наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.

Adey P., Brayer L., Masson D., Murphy P., Simpson P., Tixier N. (2013) 'Pour votre tranquillité': Ambiance, atmosphere, and surveillance. *Geoforum*, 49: 299–309.

Ahmed S. (2013) *The cultural politics of emotion*. L.; N.Y.: Routledge.

Anderson B. (2006) Becoming and being hopeful: towards a theory of affect. *Environment and planning D: society and space*, 24(5): 733–752.

Antchak V. (2018) City rhythms and events. *Annals of Tourism Research*, 68: 52–54.

Augoyard J.F. (2016) L'apparaître des ambiances. In *Ambiances, tomorrow. Proceedings of 3rd International Congress on Ambiances*. Volos, Greece: University of Thessaly: 579–585

Böhme G. (2014) Urban atmospheres: Charting new directions for architecture and urban planning. In: Borch C. (ed.) *Architectural Atmospheres: On the Experience and Politics of Architecture*. Basel: Birkhauser Verlag: 42–59.

d'Hauteserre A.M. (2015) Affect theory and the attractivity of destinations. *Annals of Tourism Research*, 55: 77–89.

Davidson J., Milligan C. (2004) Embodying emotion sensing space: introducing emotional geographies. *Social and Cultural geography*, 5(4): 523–532

Duff C. (2010) On the role of affect and practice in the production of place. *Environment and planning D: society and space*, 28(5): 881–895.

Edensor T. (2016) Introduction: Thinking about rhythm and space. In Edensor T (eds). *Geographies of rhythm*. L.: Routledge: 13–30

Gaudin O., Le Calvé M. (2018) La traversée des ambiances. *Communications*, 1: 5–23.

Griffero T. (2014a) Architectural affordances. The atmospheric authority of spaces. In: *Architecture and Atmosphere*. Helsinki: Tapio Wirkkala-Rut Bryk Foundation: 15–47.

Griffero T. (2014b) Who's afraid of atmospheres (and of their authority)? *Lebenswelt. Aesthetics and philosophy of experience*, 4: 1–16.

Griffero T. (2016) *Atmospheres: aesthetics of emotional spaces*. L.: Routledge.

Harvey D. (1978) The urban process under capitalism: a framework for analysis. *International journal of urban and regional research*, 2(1–3): 101–131.

Harvey D. (1992) Social justice, postmodernism and the city. *International journal of urban and regional research*, 16(4): 588–601.

Harvey D. (2010) *Social justice and the city*. Atlanta: University of Georgia Press.

Israel E., Frenkel A. (2017) Social justice and spatial inequality: Toward a conceptual framework. *Progress in Human Geography*, 42(5): 647–665.

LaBelle B. (2008) Pump up the bass — Rhythm, cars, and auditory scaffolding. *The Senses and Society*, 3(2): 187–203.

Milgram S. (1970) The experience of living in cities. *Science*, 167(3924): 1461–1468.

Molotch H. (1976) The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. *American Journal of Sociology*, 82(2): 309–332

Pile S. (2010) Emotions and affect in recent human geography. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 35(1): 5–20.

Schmitz H. (2016) Atmospheric spaces. *Ambiances* [http://journals.openedition.org/ambiances/711] (дата обращения: 24.06.2018) DOI: 10.4000/ambiances.711

Spitzer L. (1942) Milieu and ambiance: an essay in historical semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*, 3(2): 169–218.

Spitzer L. (1952) A Reinterpretation of “The Fall of the House of Usher”. *Comparative Literature*, 4(4): 351–363.

Thibaud J.P. (2002) L'horizon des ambiances urbaines. *Communications*, 73: 185–201.

Thibaud J.P. (2012) Petite archéologie de la notion d'ambiance. *Communications*, 1: 155–174.

Thibaud J.P. (2015) The backstage of urban ambiances: When atmospheres pervade everyday experience. *Emotion, Space and Society*, 15: 39–46.

Tolia-Kelly D.P. (2006) Affect: an ethnocentric encounter? Exploring the 'universalist' imperative of emotional/affectual geographies. *Area*, 38(2): 213–217.

Wood S. (2009) Desiring docklands: Deleuze and urban planning discourse. *Planning Theory*, 8(2): 191–216.

Zeile P., Resch B., Exner J.P., Sagl G. (2015) Urban emotions: benefits and risks in using human sensory assessment for the extraction of contextual emotion information in urban planning. In *Planning support systems and smart cities*. N.Y.: Springer: 209–225.

Zukin S. (1998) Politics and aesthetics of public space: the "American" model. *Real City, Ideal City. Meaning and Function in the Modern Urban Space* [http://www.cccb.org/rcs_gene/politics_aesthetics.pdf] (дата обращения: 15.06.2018).

Zukin S. (2009a) Changing landscapes of power: Opulence and the urge for authenticity. *International Journal of Urban and Regional Research*, 33(2): 543–553.

Zukin S. (2009b) *Naked city: The death and life of authentic urban places*. L.: Oxford University Press.

THE ATMOSPHERE OF URBAN SPACES: FROM METAPHOR TO DESCRIPTION LANGUAGE

Ekaterina Shishova (eshishova@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Shishova E. (2018) Atmosfera gorodskikh prostranstv: ot metafory k yazyku opisaniya [The Atmosphere of Urban Spaces: from Metaphor to Description Language]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(4): 85–103 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.4>

Abstract. In the last decades the atmosphere of urban spaces has been increasingly studied by representatives of various fields of knowledge. This is connected both with attention to a person, his/her emotions and experiences, and with the need to apply this concept in real life: urban and public spaces planning, building a marketing strategy for tourist destinations, organizing mega-events, etc.

Despite the fact that the phenomenon of the atmosphere is extremely in demand, because it enables a comprehensive view of the urban space from various research positions,

it has not yet been clearly defined, conceptualized and operationalized. The lack of a conceptual apparatus and a relevant language for describing this phenomenon leads to the impossibility of effectively measuring urban space and the social relations produced in it, creating difficulties for both social researchers and practitioners.

The author attempts to create a language to describe the phenomenon of the urban atmosphere. The work is based on the analysis of the concept of the atmosphere and its shades, the search and justification of its metaphorical meanings. As a result, to describe the urban atmosphere, the author proposes to use the concepts of laminarity and turbulence, borrowed from the natural sciences. The descriptive categories are used by the representatives of the phenomenological and neo-Marxist approaches, and such concepts as urban rhythms, affects, social and political contexts of a city, emotions, infrastructural relief, authenticity and aestheticization of urban space are considered.

Keywords: urban atmosphere, city, metaphor, social interaction, affects, aestetisation.

Acknowledgements

I thank Oksana Zaporozhets (PhD, associate professor, NRU HSE) for helping me to find the idea of this article, for discussing and editing it, and also Oksana Nikitina (graduate of Faculty of Geography of MGU, coordinator for Freshwater Ecosystem Conservation and Sustainable Hydropower, World Wide Fund for Nature — Russia) for discussing on laminarity and turbulence process and for editing geographical part of this text.

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2018 year.

References

- Abramov R.N. (2008) Definitivistskiye metafory v teoreticheskoy sotsiologii [Definitionist metaphor in theoretical sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 4: 23–34 (in Russian).
- Adey P., Brayer L., Masson D., Murphy P., Simpson P., Tixier N. (2013) 'Pour votre tranquillité': Ambiance, atmosphere, and surveillance. *Geoforum*, 49: 299–309.
- Ahmed S. (2013) *The cultural politics of emotion*. London; New York: Routledge.
- Anderson B. (2006) Becoming and being hopeful: towards a theory of affect. *Environment and planning d: society and space*, 24(5): 733–752.
- Antchak V. (2018) City rhythms and events. *Annals of Tourism Research*, 68: 52–54.
- Augoyard J.F. (2016) L'apparaître des ambiances. In *Ambiances, tomorrow. Proceedings of 3rd International Congress on Ambiances*. Volos, Greece: University of Thessaly: 579–585
- Böhme G. (2014) Urban atmospheres: Charting new directions for architecture and urban planning. In: Borch C. (ed.) *Architectural Atmospheres: On the Experience and Politics of Architecture*. Basel: Birkhauser Verlag: 42–59.
- Brednikova O., Zaporozhets O. (2016) Veter, ustalost' i romantika nochi (ob osobennostyakh novykh zhilykh massivov) [Wind, Fatigue, and Romance of the Night (on Peculiarities of New Residential Areas)]. *Laboratorium: Obzor sotsial'nykh issledovaniy Rossii* [Laboratorium: the Review of sociological researches in Russia], 2: 103–119 (in Russian).

d'Hauterreser A.M. (2015) Affect theory and the attractivity of destinations. *Annals of Tourism Research*, 55: 77–89.

Davidson J., Milligan C. (2004) Embodying emotion sensing space: introducing emotional geographies. *Social and Cultural geography*, 5(4): 523–532

Duff C. (2010) On the role of affect and practice in the production of place. *Environment and planning D: society and space*, 28(5): 881–895.

Edensor T. (2016) Introduction: Thinking about rhythm and space. In: Edensor T. (eds). *Geographies of rhythm*. London: Routledge: 13–30

Fedotova N.G. (2017) Formirovaniye gorodskoy identichnosti: faktornyy I institutsionalnyy aspekty [The formation of urban identity: factorial and institutional aspects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 20(3): 32–49 (in Russian).

Fen Y.G. (2012) *Osnovnyye kategorii fenomenologicheskoy filosofii prostranstva v sovremennykh issledovaniyakh* [Main categories of phenomenological space theory in contemporary researches]. Doktorskaya dissertatsiya, Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidatov filosofskikh nauk, Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» [The PhD thesis, philosophy, National Research University — Higher School of Economics]. Moscow (in Russian).

Gaudin O., Le Calvé M. (2018) La traversée des ambiances. *Communications*, 1: 5–23.

Griffero T. (2014a) Architectural affordances. The atmospheric authority of spaces. In: *Architecture and Atmosphere*. Helsinki: Tapio Wirkkala-Rut Bryk Foundation: 15–47.

Griffero T. (2014b) Who's afraid of atmospheres (and of their authority)? *Lebenswelt. Aesthetics and philosophy of experience*, 4: 1–16.

Griffero T. (2016) *Atmospheres: aesthetics of emotional spaces*. London: Routledge.

Harvey D. (1978) The urban process under capitalism: a framework for analysis. *International journal of urban and regional research*, 2(1–3): 101–131.

Harvey D. (1992) Social justice, postmodernism and the city. *International journal of urban and regional research*, 16(4): 588–601.

Harvey D. (2010) *Social justice and the city*. Atlanta: University of Georgia Press.

Ilyin V.I. (2003) Fenomen polya: ot metafory k nauchnoy kategorii [The phenomenon of field: From the metaphor to the scientific category]. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Rubezh (almanac of sociological researches)], 18: 29–49 (in Russian).

Israel E., Frenkel A. (2017) Social justice and spatial inequality: Toward a conceptual framework. *Progress in Human Geography*, 42(5): 647–665.

Kravchenko A.I. (2016) Metafory v sotsiologii: novyye perspektivy ili put' v nikuda? [Sociological metaphors: new perspectives or road to nowhere]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [The sociological research], 7: 124–133 (in Russian).

LaBelle B. (2008) Pump up the bass — Rhythm, cars, and auditory scaffolding. *The Senses and Society*, 3(2): 187–203.

Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Milgram S. (1970) The experience of living in cities. *Science*, 167(3924): 1461–1468.

Molotch H. (1976) The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. *American Journal of Sociology*, 82(2): 309–332

Pile S. (2010) Emotions and affect in recent human geography. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 35(1): 5–20.

Schmitz H. (2016) Atmospheric spaces. *Ambiances* [<http://journals.openedition.org/ambiances/711>] (accessed: 24.06.2018). DOI: 10.4000/ambiances.711

Spitzer L. (1942) Milieu and ambiance: an essay in historical semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*, 3(2): 169–218.

Spitzer L. (1952) A Reinterpretation of “The Fall of the House of Usher”. *Comparative Literature*, 4(4): 351–363.

Thibaud J.P. (2002) L’horizon des ambiances urbaines. *Communications*, 73: 185–201

Thibaud J.P. (2012) Petite archéologie de la notion d’ambiance. *Communications*, 1: 155–174.

Thibaud J.P. (2015) The backstage of urban ambiances: When atmospheres pervade everyday experience. *Emotion, Space and Society*, 15: 39–46.

Tolia-Kelly D.P. (2006) Affect: an ethnocentric encounter? Exploring the ‘universalist’ imperative of emotional/affectual geographies. *Area*, 38(2): 213–217.

Trubina Y.G. (2011) Gorod v teorii [City in theory]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Wood S. (2009) Desiring docklands: Deleuze and urban planning discourse. *Planning Theory*, 8(2): 191–216.

Zeile P., Resch B., Exner J.P., Sagl G. (2015) Urban emotions: benefits and risks in using human sensory assessment for the extraction of contextual emotion information in urban planning. In *Planning support systems and smart cities*. New York: Springer: 209–225.

Zukin S. (1998) Politics and aesthetics of public space: the “American” model. Real City, Ideal City. *Meaning and Function in the Modern Urban Space* [http://www.cccb.org/rcs_gene/politics_aesthetics.pdf] (accessed: 15.06.2018).

Zukin S. (2009a) Changing landscapes of power: Opulence and the urge for authenticity. *International Journal of Urban and Regional Research*, 33(2): 543–553.

Zukin S. (2009b) *Naked city: The death and life of authentic urban places*. London: Oxford University Press.